

Культура

ВЕРНУТЬ
ЛЮБОВЬ К ОПЕРЕ

Об оперном искусстве, нынче переживающем кризис, размышляет в беседе с корреспондентом «Труда» солистка Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова, профессор Ленинградской консерватории народная артистка СССР Ирина БОГАЧЕВА.

— Ирина Петровна, как вы пришли в оперу?

— Должна сказать, что жизнь моя складывалась непросто. Я заканчивала десятый класс, когда вслед за отцом — профессором Политехнического института — умерла мать. Об университете, куда собиралась поступать, пришлось забыть и пойти учиться в техническое училище на швею. Надо было зарабатывать на хлеб для себя и на конфеты для двух младших сестренек, живших в детском доме. И кто знает, как бы сложилась моя судьба, если бы не ленинградские музыканты старшего поколения, которые тогда охотно вели всевозможные музыкальные кружки для детей в домах культуры. Именно они распознали во мне, с детства увлекавшейся пением, драмой, балетом, способностями и сделали все возможное, чтобы поддержать меня в самые горькие годы одиночества. И даже подготовить к поступлению в консерваторию. Это был 1958 год. Вначале училась на вечернем отделении, затем перешла на дневное, решив подрабатывать шитьем. И даже, будучи лауреатом Всесоюзного конкурса молодых певцов, продолжала работать. Знаете, никогда не делила труд на «престижный» и «непрестижный».

На четвертом курсе получила предложения от Кировского и Большого театров. Но покинуть Ленинград не рискнула: здесь могилы моих родителей, младшие сестры... Вспоминаю: вся юность прошла в житейской борьбе. Не дай бог кому-то пережить такое. Но это время и нравственно закалило. Воспитывало решимость, силу воли и желание добиться своего, несмотря ни на что. И еще — эти переживания дали мне очень многое как актрисе.

Я не могу сказать, что нынешним молодым легко. Им трудно. Но эти трудности иного характера. Во времена моего студенчества мы жили идеалами: музыка, профессия требовали от нас подвижничества, и мы работали, стремились к совершенствованию. А теперь многие молодые люди во что бы то ни стало стремятся попасть в класс «влиятельного» педагога, который и устроит, и пристроит, а дальше и в театре оказываются с помощью всевозможных «ходов». Чтобы иметь силы одержать победу в конкурсе, я работала, а не тратила энергию на поиски «подступов» к членам жюри, как бывает порой сейчас. Смотрю на этот дележеский подход к жизни иных студентов и невольно думаю: а смогла бы я выйти в люди при таких нравах? Пожалуй, нет...

— Судя по афишам последних полутора десятков лет, русская опера постепенно исчезает из репертуара театров страны. А в то же время на Западе проходят в полном смысле слова парады русской оперы. К юбилею Мусоргского в Париже, например, были показаны две авторские редакции «Бориса Годунова», а впереди — знакомство публики с остальными редакциями оперы. К юбилею Бородин в Вероне состоялась премьера «Князя Игоря». В 1991 году мир будет отмечать юбилей Чайковского, и в «Ла Скала» осуществлена новая постановка «Евгения Онегина» в режиссуре Андрона Михалова-Кончаловского. И эти примеры можно продолжить. Причем, нередко на эти постановки приглашаются лучшие певцы из разных театров нашей же страны. Почему же отечественные театры слабо поддерживают классику?

— По сути, мы отучили уже несколько поколений видеть в опере утоление «духовной жажды». Да и чем мы можем ее утолить? Посмотрите на афиши двух лучших оперных театров России: какое тяжелое положение с репертуаром! Мне кажется в корне неправильным, что коллективы, обладающие грандиозными возможностями ставить большие полотна русской классики, предпочитают оперы камерные, не требующие больших усилий ни от постановщиков, ни от солистов. В «Ла Скала», например, постоянно, периодически обновляясь, звучат национальные оперы: театр не позволяет себе утратить их из репертуара. И это правильно. А мы должны пропагандировать русскую оперу. Потому что, если не мы, то кто же? Надо чтить своих предков, не ронять высокую преемственность. Пренебрежительное отношение к нашему национальному достоянию чревато не только потерей зрительского интереса к оперному искусству, но и потерей исполнительских традиций, утратой артистической культуры.

Дело в том, что отечественная опера таит в себе такие пласты русского духа, такой эмоциональный накал общественных страстей, осознать и воплотить которые в сценических образах способны лишь артисты, владеющие не только вокальной техникой, но и мастерством тезисопложения. Вот и получается, что при раздутых труппах хороших певцов можно перечислить буквально по пальцам. А ведомственная разобщенность не дает возможности блистательным певцам собираться под руководством выдающегося постановщика для создания спектакля.

Именно сегодня, когда так остро ощущаем духовный подъем во

всех сферах общественной жизни, мне особенно больно наблюдать, что оперное искусство остается где-то на обочине. Но именно теперь нам надо не отстать от бега времени, от перестройки. И на этом пути необходимо обновлять классику, делать ее достоянием нации...

— А что, на ваш взгляд, следовало бы предпринять в деле перестройки оперного театра, чтобы он обрел былую любовь соотечественников?

— Мне кажется, ведущим театрам пора переходить на договорную систему, а лучшие певцы должны быть знакомы самой широкой публике. Сцена — удел творцов! У нас же произошла страшная нивелировка людей театра: и блистательный певец, и тот, кто просто угоден театральному начальству, получают одну и ту же зарплату. Но на одного народ валом валит, а другого не знают за пределами кулис. Труппы огромны, всем надо дать работу, в результате у певцов устанавливается очередь (!) на спектакль. Но почему зритель должен слушать безголосого артиста только потому, что у того — норма выступлений? В искусстве непременно должна быть конкуренция, определение премьера. Только это может поднять уровень исполнительской культуры...

— В прежние времена, как известно из истории театрального дела, благодаря антрепризе публика слушала лучших певцов, как русских, так и зарубежных. В отсутствие радио и телевидения их слава гремела по всей России. Собинов, Шаляпин, Нежданова были настоящими кумирами общества, они делали оперное искусство одним из самых любимых и почитаемых...

— А сейчас я могу с полной уверенностью сказать, что широкая публика плохо знает наших прекрасных певцов. Нет талантливо организованного предложения, чем могла бы заниматься антреприза в новых условиях хозяйствования... Сегодня публика обделена новыми именами, интересными гастролерами. Происходит это оттого, что зачастую этими вопросами, приемом в труппу, занимаются певцы, что я считаю недопустимым. Они должны отстаивать свою индивидуальность на сцене. Их отношение всегда субъективно, да и видят они в новых артистах ненужных конкурентов. Меня до сих пор не пускают на сцену Большого театра, лишь один раз совершенно случайно удалось спеть Марину Мнишек в «Борисе Годунове».

Оставляет желать лучшего и деятельность Госконцерта, фактически работающего на оперделенную группу вокалистов. Думаю, мы все выиграли бы, если бы зарубежные импресарио без посредничества Госконцерта заключали договоры с артистами и театрами. Получаемая в таком случае валюта шла бы на повышение ставок музыкантам, на улучшение материально-технической базы театра, на оплату гонорара зарубежным гастролерам. Бедь какой урон музыкальной образованности общества мы наносим тем, что лучшие театры мира и «звезды» зарубежной оперы не приезжают к нам десятилетиями!

— Сейчас немало сетуют на то, что молодежь в своих музыкальных пристрастиях предпочитает современные ритмы, а не классическую музыку, оперное искусство. А как вы думаете, значительная часть молодежи сознательно отрицает классику или это происходит от незнания, некомпетентности?

— Я задумываюсь иногда: почему я стала певицей? Конечно же, внутренняя потребность, призвание, но еще дело в том, что мое поколение все-таки воспитывалось в атмосфере классической музыки... Коллективами художественной самодеятельности, куда охотно шла молодежь, руководили высокообразованные профессиональные музыканты. И вот эта атмосфера, пронизанная серьезной музыкой, видимо, и пробудила во мне стремление стать оперной певицей. Разумеется, и в наше время были танцевальные площадки, где мы танцевали фокстроты и танго, но основой нашего эстетического воспитания была все-таки классика. Сегодня же серьезная классическая музыка «прячется» главным образом на четвертой программе радио. По телевидению почти нет трансляций лучших оперных спектаклей страны и зарубежных, очень мало прямых трансляций с концертов знаменитых гастролеров, с фестивалей, конкурсов.

Все это обедняет духовную жизнь современников. Ибо брейки и роки, которые гремят по радио и телевидению, что ни говорите, удовлетворяют лишь потребность в развлечении. Музыка для досуга и отдыха — это хорошо, но важнее все-таки серьезная классическая музыка, которая воспитывает человека в широком культурном плане. И чем информативнее с учетом этого перестроит свою работу, тем и оперному театру будет легче вернуть прежнюю зрительскую любовь.

Беседу вела

М. ИСТЮШИНА.

ЛЕНИНГРАД.